

М. С. Рыбина

“Dulce France” или Марианна: к проблеме изучения «национальной идеи»

Каплан А. Б. Средневековая поэзия Франции как источник формирования национального сознания: Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. культурологии. Отв. ред. д-р. филол. наук Галинская И. Л. — М., 2008. — (Сер.: Теория и история культуры). — 100 с.

Тема, обозначенная в заглавии монографии, ориентирует читателя на междисциплинарный характер исследования. В этой области особенно актуальным становится вопрос о критериях отбора материала и принципах его изучения. Неотрефлексированность этих методологических проблем чревата для исследователя различного рода неприятностями, самой очевидной из которых становится опасность искать «чёрную кошку в тёмной комнате». Отсутствие «этикетных норм» в пограничной полосе между историей и литературой, с одной стороны, и диффузность модного понятия «менталитет», с другой, налагают на специалиста, обратившегося к подобной тематике, определённую степень ответственности за сказанное. С сожалением приходится признать, что автор рецензируемой монографии справляется с этими задачами не особенно успешно.

Во введении А. Б. Каплан¹ пишет: «В нашем обзоре мы попытались проследить некую динамику национального самосознания, используя примеры из французской поэзии Средневековья. Проблема отражения этого процесса и влияния поэзии в этом плане на массовое сознание в Средние века, по нашему мнению, ещё не получила достаточного освещения» (С. 6). Здесь многое нуждается в пояснении. Прежде всего, что именно автор подразумевает под термином «национальное самосознание» и когда оно, по его мнению, возникает во Франции? Ответ на этот, по существу, центральный для избранной темы вопрос, как ни странно, в монографии отсутствует, читателю лишь сообщается, что процесс формирования национального чувства — «многовековой и длительный», а «формы восприятия единства весьма разнообразны» (С. 6). Таким образом, остаётся недоумение по поводу самого предмета обзора. Что, собственно, обозревается? Благодаря подзаголовку мы ожидали бы увидеть как минимум перечисление современных подходов к проблеме «самосознания», их сравнение и оценку. Вместо этого книга предлагает достаточно пёструю картину, составленную из цитат и фактов, причём аналитический момент здесь сильно приглушён: автор не рассматривает концепции цитируемых работ и не утруждает себя критическим разбором представленных точек зрения². Что касается исто-

¹ Согласно книжным нормативам мы ожидали бы увидеть на странице сведений о типографии расшифрованные имя и отчество автора, но книга разочаровывает и в этом.

² Это представляется серьёзным недостатком, особенно когда цитируются работы французских авторов, не переведённые на русский язык. Среди отечественных исследований автор отдаёт предпочтение работам А. Я. Гуревича, А. Д. Михайлова, С. С. Аверинцева, уже ставшим классическими.

рических событий и лиц, то А. Б. Каплан сопровождает упоминания о них подчас весьма неожиданными комментариями. Так, степень известности Элеоноры Аквитанской определяется тем, что она стала героиней многих исторических романов и фильмов» (С. 18), о борьбе Филиппа IV Красивого с орденом тамплиеров и последовавших затем событиях предлагается судить по романам М. Дрюона (С. 49), а сюжет о Граале приводит автора к «Обществу Туле» и событиям второй мировой войны, что напрямую не связано с темой исследования.

Итак, насколько оправданно применение термина «национальное самосознание» к средневековой культуре, если известно, что процесс формирования единого государства проходит в несколько этапов? Почему в рассматриваемый автором период IX-нач.XVвв. оно именно «национальное», а не этническое, корпоративное, сословное¹, наконец? Заметим, что даже к концу XV века (а эта эпоха остаётся за рамками аналитического обзора) «единство», особенно языковое, недавно вошедших в состав французского королевства провинций Прованс, Аквитания, Бургундия с Иль-де-Франс ощущается ещё очень условно, о чём не раз упоминает и сам автор (С. 7, 64, 71). Судя по заглавию книги, А. Б. Каплан считает термин применимым, что, как нам кажется, требует некоторого обоснования, хотя бы в связи с приведённым выше обстоятельством.

Позволим себе высказать ещё несколько замечаний по поводу «обзорного характера». В аннотации сообщается, что в монографии рассматриваются работы современных французских исследователей (С. 2). Однако автор цитирует, в основном, книги, которые уже переведены на русский язык и соответственно, уже включены в научный оборот. Источники на французском языке ощутимо сокращаются, если учесть, что используется, по сути, один коллективный сборник, точнее, результаты международного коллоквиума «Европейская поэзия позднего средневековья: сравнительно-исторические исследования. Поэтика и поэтики», которые были опубликованы во втором номере «Кентавр/Centaurus»². Отдельные статьи этого сборника подаются как самостоятельные источники (С. 97, 99). Таким образом, число собственно, французских авторов из обозначенных 20 (в списке, содержащем 77 единиц) сокращается до 15, причём книга Ж. Флори (Flori J. *L'idéologie du Glaive. Préhistoire de la chevalerie*), которую автор часто использует в тексте монографии существует, и в русском переводе³.

Композиционно монография состоит из семи глав, которые должны отражать, по-видимому, этапы становления «национальной идеи». Основным структурным принципом является хронологическая последовательность в изложении материала. Каждый период иллюстрирует один-два примера из средневековой французской литературы, принцип отбора которых представляются произвольным и далеко не всегда мотивирован темой исследования. Каким образом «Миракль о Теофиле» Рютбёфа или идиллия Ф. де Витри выражают «национальное самосознание» читатель вынужден додумать сам.

¹ В средневековой латыни слово «natio» обозначает совокупность лиц, образующих однородную группу, объединённую к.-л. общим признаком (физическим, психическим, поведения и т.п.), т.е. близко к понятию «корпорация», в 1470 г. франц. «nation» означало отделение Парижского университета, а последней трети XV века приобретает значение 'переселенцы', 'жители иноземных колоний'. (Данные TLF1).

² Кентавр / Centaurus. Studia classica et mediaevalia. № 2. М.: РГГУ, 2005. 435 с.

³ Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб: Евразия, 1999. 320 с.

В целом, складывается впечатление, что литературный текст является для автора не предметом изучения, а иллюстрацией тех или иных априорно существующих суждений, само же произведение настолько вторично, что нередко утрачивает заглавие: «одна сервиента» (С. 22), «одно из стихотворений» (С. 24), «в одной из поэм» (С. 60)¹. Судя по использованному в обзоре материалу (эпическая поэма, рыцарский роман, миракль, ди, баллада, аллегория и т.д.), термин «поэзия», присутствующий в заглавии, исследователь трактует предельно широко, используя его как синоним понятия «художественная литература». Напротив, для историка литературы категория жанра является в этот период определяющей: «Границы и структуры этих жанров, их идейное содержание и художественные формы очерчены очень четко: индивидуальная инициатива проявляется в рамках прочной социальной традиции»². Так, в частности, жанровая специфика позволяет ответить на вопрос, какой аудитории предназначался текст, и судить о степени его распространённости в определённый исторический период.

Оставив в стороне дискуссию о том, как поэзия «отражает» исторические реалии, позволим себе усомниться в том, что в описываемую эпоху поэт имеет возможность решительным образом влиять на массовое сознание, что акцентируется в названии последней главы обзора «Творчество Алена Шартье как пример влияния поэта на развитие национального самосознания». Создаётся впечатление, что мы имеем здесь дело с модернизацией исторического положения вещей. Миф о поэте как выразителе духа народа, созданный Гердером и позже переосмысленный гейдельбергскими романтиками, канонизирован европейской культурой XIX века. Однако его моделирующее воздействие сказывается, как видим на примере рецензируемой работы, и значительно позже.

Приведём несколько фрагментов, иллюстрирующих систему доказательств автора монографии: «В отличие от Дешана, который в конце жизни, в первые годы XV в., был погружён в состояние беспробудной меланхолии, ощущая, что его призывы к спасению Франции не встречают отклика, Шартье был более уверен в своей миссии поэта-пропагандиста. Ведь он жил в Бурже, где находился двор Карла VII, здесь царила надежда на победу законного короля. Шартье пользовался при дворе славой первого поэта своей страны, он сочетал способности проповедника и лирического поэта» (С. 88). К сожалению, автор не считает нужным аргументировать свою позицию. Так, остается неясным какой аудитории предназначались произведения Шартье (больше половины, которых была написана на латинском языке), поскольку, несмотря на последующие рассуждения об искусстве чтеца и о распространённости в Средние века восприятия поэзии «с голоса», сомнительным представляется, что придворный поэт и оратор, секретарь дофина (будущего Карла VII), выполнявший его дипломатические поручения при королевских дворах в Риме, выступал на рыночных площадях.

Далее А. Б. Каплан иллюстрирует свой обзор фрагментом баллады «Жестокая красавица» («*La Belle Dame sans merci*») и сопровождает его таким коммен-

¹ Согласно книжным нормативам мы ожидали бы увидеть на странице сведений о типографии расшифрованные имя и отчество автора, но книга разочаровывает и в этом.

² Это представляется серьёзным недостатком, особенно когда цитируются работы французских авторов, не переведённые на русский язык. Среди отечественных исследований автор отдаёт предпочтение работам А. Я. Гуревича, А. Д. Михайлова, С. С. Аверинцева, уже ставшим классическими.

тарием: «Эти стихи написаны в 1424 г., когда положение Франции казалось безнадёжным. Можно предположить, что боль тоски по утраченной любимой сличалась с чувством тревоги за судьбу Франции» (С.91). Предположить, конечно, можно многое, но, строго говоря, ничто нас к этому не обязывает. Особенно если учитывать специфику жанрового канона в средневековой культуре. Лamentация на жестокость возлюбленной — один из традиционных топов куртуазной лирики, не особенно располагавшей к проявлению «индивидуального чувства». Преставление о литературном тексте как о слепке личности писателя возникает вместе с индивидуализмом Нового времени. Индивидуальное начало — категория исторически изменчивая, в отношении которой особенно легко проявить аберрацию восприятия.

Лирические произведения, адресованные достаточно узкому кругу лиц, составляют малую часть наследия Шартье, представленного, в основном, различными жанрами ораторской прозы на латыни и французском. К числу последних принадлежит и знаменитый «Квадрилог» (*Le Quadrilogue investif*), изложение которого посвящено несколько страниц обзора. Однако сведения, которые приводит А. Б. Каплан, нуждаются, на наш взгляд, в уточнении. Автор пишет: «И подобно своему учителю Дешану, Шартье глубоко озабочен судьбой родины. Свидетельством этого является его поэма — политический трактат «Квадрилог». Это произведение было широко распространено во Франции. Сначала оно читалось в рукописи не только в замках, но и на городских площадях, и в тавернах. Впоследствии, спустя несколько десятилетий, «Квадрилог» стал одним из первых типографских изданий. Дата первой публикации трактата — 1422 г. — смерть короля Карла VI, событие, которое ещё более усилило смуту» (С. 91).

Вообще с категорией жанра Каплан обращается очень свободно, в обзоре встречаются «прозаические стихотворения» (С. 8), «политический трактат-поэма¹» (С. 91) и «поэтический трактат» (С. 93), можно предположить, что речь идёт о произведении подобном «Поэтическому искусству» Н. Буало или о стихотворениях в прозе, история которых удлинняется, таким образом, на несколько столетий, поскольку их первые образцы обнаруживаются во Франции в IX веке.

«Квадрилог» точнее было бы назвать аллегорией, основываясь на сочетании нескольких компонентов, характерных для этого жанра: мотив сна, аллегорические фигуры трёх сословий и Франции, персонаж-посредник (актёр), указывающий на необходимость толкования «сна», и, наконец, метафора «тела» — государства, традиционная для средневековой культуры. Второй момент, вызывающий сомнения, — указание на время первой публикации (1422), сноски не дают возможности установить источник². Произведение было написано между

¹ Речь, заметим, идёт о прозаическом произведении и термин «поэма» не кажется особенно удачным.

² В монографии в качестве источников текста «Квадрилога» указаны (61, с. 451) и (62, с. 448—449), которым соответствуют в списке литературы 61. Cerquiglini-Toulet J. La poétique au Moyen Age: entre rhétorique et théologie // Кентавр / Centaurus. Studia classica et mediaevalia. № 2. М.: РГГУ, 2005. С. 194—205 и 62. Certeau M. de. L'écriture de l'histoire. — P.: Gallimard, 1975. — 361 p. «Квадрилог» обнаруживается ниже, под номером 63 Chartier A. Quadrilogue // Шишмарёв В. Ф. Книга для чтения по истории французского языка IX—XV вв. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 448—451. Если учесть, что объём «Квадрилога» составляет 59 стр. во французском издании (например, Chartier A. Le Quadrilogue investif / Ed. E. Droz. — Paris: Champion., 1923. — 74 p.) то остаётся предположить, что автор имел дело с фрагментом.

12 апреля и 31 августа 1422 (дата смерти английского короля Генриха V)¹. Сохранилось более 40 списков, часть из которых сделана уже с печатных изданий, самые ранние из известных публикаций относятся к 1474 и 1477—1478 годам².

Ещё более легковесным представляется следующее утверждение автора: «Вероятно, языком народа говорит сам Шартье. Эти слова предельно понятны и могли вызвать не только возмущение, но и заставить думать о судьбе своей нации. Напомним, что поэтический трактат написан в 1422, а в 1428 г. страна услышала о Жанне д'Арк» (С. 92). Однако позволим себе усомниться, что между приведёнными автором фактами существует жёсткая причинно-следственная связь. Думается, что А.Б. Каплан всё же преувеличивает степень распространённости ораторского текста, приписывая ему тот резонанс, каким в описываемую эпоху обладал, наверное, только жанр проповеди. «Квадрилог» Шартье в 1422 году вряд ли мог иметь то же значение, что «Марсельеза» Ж. Р. де Лиля в 1792. Не стоит забывать, что преждевременная смерть Генриха V на пике военных побед была воспринята многими современниками (и не только во Франции) как проявление божественной воли, а сторонниками дофина как прямое вмешательство providence.

Есть ли основания представлять Шартье убеждённым демократом и отождествлять его позицию с фигурой Народа? Приведём некоторые факты: автор «Квадрилога» происходил из нормандской семьи, известной своей приверженностью королевской династии, его старший брат Гийом, ставший впоследствии епископом Парижа, пользовался особым покровительством дофина. Шартье прошёл курс наук в Сорбонне. В 1422 г. Нормандия фактически является вотчиной Англии, а в Париже власть принадлежит сторонникам бургундского дома. В то время, когда создается «Квадрилог», дофин, потерпев военные поражения, вынужден отступить в Бурже, владения южнее Луары³. Пребывание в Бурже Шартье расценивал как «тяжёлое изгнание» («douloureux exil»)⁴. Последнее позволяет высказать предположение, что понятие «родина» (patrie) ещё тесно связано для него с северным регионом, а слово «Français» (француз), которое возникает в текстах Шартье, нередко имеет узко-локальное значение «житель Иль-де-Франс»⁵.

В качестве иллюстрации тезиса о простоте и доступности фраз Шартье приведём мнения французских исследователей: «Трёхчастная структура его речи по архитектонике и аргументации восходит к риторическим конструкциям спора и ориентирована на Цицероновскую модель»⁶, на подчёркнуто учёный характер аргументации Шартье указывает и Э. Дроз⁷. Композиция «Квадрилога» име-

¹ Chartier A. Le Quadrilogue invectif. — P. IV.

² Ibid. — P. IX—X.

³ Ibid. — P. IV.

⁴ Polet J.-C. Patrimoine littéraire européen. Anthologie en langue française. Prémices de l'Humanisme 1400-1515 — Bruxelles: De Boeck Université, 1995. — 6 vol. — P. 117.

⁵ Это двойное значение обыгрывается позже в известном катрене Ф. Вийона: «Je suis François, dont il me poise / Né de Paris emprès Pontoise / Et de la corde d'une toise / Saura mon col que mon cul poise». Быть «французом» означает попасть под юрисдикцию прево Парижа. В переводе И. Эрэнбурга игра смысла утрачена: «Я — Франсуа, чему не рад, / Увы, ждет смерть злодея, / И сколько весит этот зад, / Узнает скоро шея».

⁶ «Son discours triparti implique dans l'architecture et dans l'argumentation l'art oratoire du genre délibératif et se resserre du modèle cicéronien». Polet J.-C. Patrimoine littéraire européen. — P. 120.

⁷ «il <A. Chartier — M. P.> est entouré de toute une cohorte d'écrivains qui, comme lui, ne cessent

ет следующую структуру: пролог, в котором аллюзии на античные источники соседствуют с цитатами из Библии, вступление актёра, представляющего свой сон-видение, диспут между аллегорическими персонажами, олицетворяющими Францию и три сословия, и заключительный монолог, в котором «перо и слово оратора» приравниваются к мечу воина. Таким образом, актёр, занимающий внешнюю позицию по отношению к персонажам «сна», указывает на особый статус интеллектуалов в социальной иерархии. Однако характер речи и последовательность аргументации Клирика, варьирующие основные темы пролога, позволяют сделать вывод о том, чья «правда» ближе автору.

На фоне отмеченных несообразностей уже почти мелочью представляется полная неразбериха в ссылках на научную литературу и другие погрешности оформления. Указанные в тексте номера источников крайне редко совпадают со списком, отклонения составляют 2—3 пункта. Например, на с. 27—30 А. Б. Каплан цитирует книгу Жана Флори «Повседневная жизнь рыцарства в Средние века» (М., 2006), указывая номер 37, однако в списке литературы ему соответствует отечественная антология «Средневековый роман и повесть» из серии БВЛ (М., 1974), а Флори обнаруживается ниже, под номером 39. К сожалению, это не исключение, а правило, которое в ряде случаев приводит к тому, что источник цитаты установить практически невозможно. Положение ухудшается из-за нередких для издания опечаток. Так, авторитетный специалист по средневековой поэзии М. Л. Гаспаров обнаруживается и в тексте, и в библиографическом списке под «псевдонимом» М. Л. Каспаров¹ (С. 39—40), Марселен Дефурно превращается в Дефурне (С. 97), а на с. 18 вместо А. Н. Веселовского появляется Н. В. Веселовский. Столь же небрежно оформлен и список литературы. Достаточно сказать, что упомянутый выше сборник «Кентавр/Centaurus» серии «Studia classica et mediaevalia» имеет несколько вариантов написания, ни один из которых не обходится без опечаток, кстати, нигде не сказано, что это издание РГГУ (С. 97, 99). Во французском сегменте библиографии полностью отсутствуют диакритические знаки и происходит такая же путаница с именами (Dechmaps вместо Deschamps; Zumptor вместо Zumpthor и т.п.). Всё это производит удручающее впечатление, особенно если вспомнить, что речь идёт о монографии, изданной под маркой академического института.

К сожалению, мы вынуждены констатировать, что рецензируемая работа не производит впечатления серьёзного научного исследования. Её достоинства, в качестве аналитического обзора не слишком высоки. Приходится также признать, что подобная эклектика и какое-то почти мифическое представление о «национальной идее» свойственны, увы, не только этому сочинению.

d'encourager le roi et le Dauphin et de démontrer par toutes sortes d'arguments savants, trop savants pour notre goût, le bien-fondé des revendications nationales». Chartier A. Le Quadrilogue invectif. — P. V.

¹ Поскольку в списке литературы нет заглавия статьи М. Л. Гаспарова (сообщается, что это послесловие) и неверно указаны страницы, приведём выходные данные полностью: Гаспаров М. Л. Поэзия вагантов // Поэзия вагантов. — М.: Наука, 1975. С. 421—514.